

Василий Петрович Авенариус

**Книга о киевских
богатырях**

**Свод 24 избранных былин
древнекиевского эпоса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В19

- Василий Петрович Авенариус**
В19 Книга о киевских богатырях: Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса / Василий Петрович Авенариус – М.: Книга по Требованию, 2012. – 338 с.

ISBN 978-5-458-05415-7

Антология русских богатырских сказаний, собранная В. П. Авенариусом прочно вошла в круг народного чтения конца XIX в. и вместе с составленной им в 1880 году «Книгой былин» (СПб., 1880), «способствовала сохранению в живой традиции целого ряда былинных сюжетов, упрочению текстовых редакций старшего извода» (Литературная энциклопедия. М., 1929—1939)

ISBN 978-5-458-05415-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенець, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ пѣлюшвиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ умолеу лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальных звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь въ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественных дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малой распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи—безъ „*рапсода*“ (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсень, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безъискусственного струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ

свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлѣ: умѣлый рапсодъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый разсказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣввающее скуку, причемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать тоже впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняется другимъ выраженіемъ и стихомъ: если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ наконецъ и самого повѣствователя и его слушателей. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опозитивированная *исторія* народа, разсказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „былинъ“ (разсказъ о *быломъ*), а также „старинъ“ (разсказъ о *старинѣ*) или просто „пѣсень“. *) Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до-владимѣрской эпохи, такъ-называемыхъ „старшихъ“ богатыряхъ (см. прим. 3 въ концѣ книги), 2) *киевскій* или *Владиміровъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московскій* и 5) *казацкій*. Всѣхъ обширнѣе и замѣчательнѣе циклъ *киевскій*. Всѣ былины этого цикла имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владиміра стольно-киевского“, т.-е. Владиміра Святаго (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „гридня“, подобно римскому форуму,—свѣтовой

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былеваго творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задумчивою непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ „полуторапудовыхъ“ чашъ, подъ звуки „яровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кѣвскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святій съ его богатырскою дружиною сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса—объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и воевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—бессознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Въ старыя времена, близкія къ событіямъ, описываемымъ въ древне-кѣвской пѣснѣ, пѣсня эта пѣлась „загусельщиками“ (гусярами) и „валивами переходжими“ (нищими валивами) вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и ярмаркахъ. Съ татарскимъ погромомъ, пѣсня наша по-неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали,

въ глуши, гдѣ ей можно было еще свободно раздаваться. Въ теченіе 2½ вѣковъ татарскаго ига, понемногу заглохли въ кievской Руси и воспоминанія о князѣ-солнышѣ и его славныхъ богатыряхъ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ періоды казачества и литовскаго владычества, облегченная русская грудь затянула уже пѣсню о новѣйшихъ богатыряхъ—казакахъ и литовцахъ; но прекрасныя сами по себѣ малороссійскія „думы“, не имѣя между собою органической связи, не только не могли слиться въ какое-либо подобіе эпопеи, но, по преобладанію въ нихъ лирическаго элемента, должны быть отнесены скорѣе къ лирической, чѣмъ къ эпической поэзіи. Въ нѣкоторыхъ изъ среднихъ великорусскихъ губерній слышатся еще рѣдкіе, но значительно искаженные отголоски древняго кievскаго эпоса. На отдаленнѣйшихъ же окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, особенно между раскольниками, вѣрно держащимися старины, стародавняя пѣсня сохранилась еще довольно чисто, поется и слушается съ умиленіемъ, почти съ благоговѣніемъ. Какое впечатлѣніе производитъ она въ безыскусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человека—лучше всего можно видѣть изъ описанія извѣстнаго собирателя былинъ Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 году поѣздки въ Зонежье, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго „сказителя“, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

„Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемены вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсыяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ „баженымъ“ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтнй“ вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Наволоку — пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная „фатера“ — домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хотъ было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣ-

ніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ, съ оладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садѣхъ купцѣ, богатомъ гостѣ *). Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серѣдки, Кижской волости, пообщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича **), про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіанты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впоследствии слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія,

*) Былина новгородскаго цѣла.

**) Тоже.

которое произвели плохіе варіанты былинь, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонты на Шуй-Наволокиъ.”

Хотя былины поются въ настоящее время и „каликами“, пѣвцами по ремеслу, специальность которыхъ— „духовные“ стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются „сказители“, непромышленяющіе своимъ пѣніемъ, а занимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно—зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другаго собирателя былинь Гильфердинга, „былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяють природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни“. Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается 80-ти лѣтній крестьянинъ деревни Серѣдки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ)—ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина—Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми переходными ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно, однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человѣкъ грамотный не въ состояніи уже удержать въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Впрочемъ, и въ сокровенной глуши нашихъ отдален-

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 23-го Октября 1875 г.